

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.В. Большакова

И.И. ЛАПШИН О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются взгляды известного русского философа и психолога И.И. Лапшина на психологические основы творческой деятельности личности, процесс познания и законы мышления. Он дал анализ содержания, форм и методов исследования в целом ряде научных направлений логики, философии, психологии, истории, биологии, математики, физики и др.

Ключевые слова: личность, сознание, творчество, воображение, изобретательность, комбинационный дар, память, эмоциональное мышление, познавательное мышление, психологическое творчество, психологическое открытие, психологическое изобретение.

Анализируя взгляды целого ряда авторов на познание и определение законов мышления в философской полемике конца XIX и начала XX вв., Иван Иванович Лапшин (1870–1952) сумел избежать ошибок, характерных для многих комментаторов трудов И. Канта, поскольку выявил суть теории познания и раскрыл взаимосвязь элементов познания, не смешивая различные элементы познания с абстрактным логическим расчленением.

В книге «Философия изобретения и изобретение в философии» [6] И.И. Лапшин отграничил философское творчество от религиозного, считая философию своеобразной научной областью духовной деятельности, *познавательной* сферой деятельности в отличие от религиозного творчества, которое он относил к *эмоциональному по своей природе*: «Основатели религий – не научные исследователи, не критики, не систематизаторы, а творцы новых скрижалей ценностей. Они являются наиболее яркими выразителями морально-религиозных потребностей народных масс своего времени, они призваны

не философствовать, а «глаголом жечь сердца людей» [5, с. 9].

Богословскую изобретательность Лапшин усматривал «в искусстве упорядочения и систематизации в форме известной догматики религиозного вероучения, которому положил начало основатель известной религии» [5, с. 9]. Отмечая в богословской мысли свою внутреннюю логику, свою диалектику развития, Лапшин исходил из того, что «для разработки религиозного учения самой ее природой положены известные грани – *чудо, тайна и авторитет*» [5, с. 9]. Разница богословского и философского мышления в том, что эффективность богословских трудов определяется их жизненным влиянием на массы, а эффективность вторых – их объективно-научной значимостью. В процессе творчества богословские и философские тенденции часто *сосуществуют* [4].

Обращаясь к вопросу о взаимозависимости наследственности и воспитания в процессе образования философского дарования, Лапшин рассмотрел

два односторонних взгляда, глубоко противоречащих друг другу: это антиномия коллективизма и индивидуализма. Он пишет: одни говорят, что гениальное изобретение всегда есть продукт благоприятного стечения социальных условий, так, по словам Гельвеция, гений — шедевр случая в смысле благоприятного стечения внешних обстоятельств: политических, экономических, педагогических условий развития. Лапшин замечает, что в науке небольшие открытия — правило, значительные — исключение, а история изобретения паровой машины есть аккумуляция множества чуть заметных усовершенствований.

Не менее категоричен индивидуализм, отмечает Лапшин: если верить Шопенгауэру, Тарду, Ницше, то изобретатель — это какой-то Монблан, возвышающийся над людской массой [5, с. 12]. Такую постановку вопроса он считал лишённой всякого философского смысла. С фактической стороны, совершенно невозможно начисто отрицать само существование наследственности и зависимости от нее неравенства в одаренности различных индивидуумов. Впрочем, сами сторонники коллективистического взгляда не заходят так далеко, чтобы совершенно отвергать это неравенство.

По убеждению Лапшина, в основе изобретательности лежит «комбинационный дар, богатство, подвижность и гармоническая организованность многообразных диспаратных рядов мыслей и образов... Этими свойствами определяется... комбинационное поле в творческой работе изобретателя» [5, с. 13]. Отмечая великое значение социальных условий в научном творчестве, Лапшин справедливо полагал, что эти условия могут оказать как положительное, так и отрицательное воздействие на процесс творческого развития личности. На развитие комбинационного поля творческой фантазии, по мнению Лапшина, влияют географические, эконо-

мические условия, социальное положение личности, школа, в которой формировалась личность, круг чтения, признание со стороны общества, национальность. Важным источником социальных влияний Лапшин совершенно справедливо считал общий культурный и философский уровень эпохи.

По заключению Лапшина, философскую потребность в творчестве можно сформулировать приемлемо как для сторонников, так и для противников метафизики, разумно ответив на три вопроса, поставленные в древности Пирроном и повторенные Кантом в несколько измененном виде: 1) **что я могу знать?** (проблемы гносеологии или метафизики, а также психологии, логики, научной методологии, истории философии); 2) **что я должен делать?** (проблемы аксиологии, т.е. теории ценностей, этики, эстетики, педагогики, политики, экономики, права); 3) **на что я могу надеяться?** (проблема философии религии).

Лапшин разводит понятия «открытие» и «изобретение»: «В открытии более подчеркивается эмпирическая данность новых областей физического или духовного мира. Нельзя сказать, что Колумб *изобрел* Америку или Вебер изобрел известный психофизический закон, как нельзя сказать, что Аристотель *открыл* силлогизм» [5, с. 36]. Лапшин предпочитал употреблять термин «изобретение» в расширенном смысле, ибо в нем подчеркивается творческий активный момент человеческой мысли — изобретательность ума: «В основе всякого открытия, если оно не есть случайная находка, лежит новое изобретение мысли, конструкция нового научного понятия» [5, с. 36–37]. В основу изобретательности человека Лапшин кладет сложную совокупность наклонностей и инстинктов, где в равной мере принимают участие стремление к удовлетворению житейских нужд и свободная игра творческих способностей. По мере

восхождения к более высоким потребностям человека, к числу которых он относил религию, искусство, науку и философию, формы изобретения углубляются, но механизм изобретательности в основных чертах остается тем же [5].

Лапшин проследил процесс пробуждения творческого призвания личности в области философии, указав на тесную связь философии с другими науками и первые проявления одаренности на религиозной, психологической, естественно-исторической, математической, исторической и политической почве. Источником философских изобретений является «великая философская страсть удивления человека перед самим фактом его бытия, перед загадками познания и деятельности, перед вопросом о сущности мира и цели бытия... не нужно только в эту общую постановку вопроса субъективно привносить свою собственную точку зрения, модернизировать неведомого нам первобытного человека» [5, с. 39–40].

На большом историко-философском материале Лапшин рассмотрел вопрос о соотношении памяти и творческой оригинальности в мышлении личности. По его заключению, «самое несовершенное сознание отдает одним представлениям известное предпочтение перед другими..., одни представления независимо от его воли в силу интенсивности и повторяемости удерживаются лучше, чем другие, поэтому любое сознание в известной мере сортирует представления и не есть пассивная фотографическая пластинка» [5, с. 89]. У эрудитов, описательных историков, практических полиглотов, классификаторов-натуралистов память отнюдь не механическая, в ней есть элемент рациональный, они могут обладать в известной мере комбинационным даром, ясностью понятий, они лишь по степени отличаются от интеллектов с более сильно развитой способностью к абстракции и диссоциированию.

Нельзя забывать, подчеркивал Лапшин, что научное творчество распадается на бесчисленное множество градаций одаренности в смысле преобладания памяти, мышления, фантазии. Человек, не способный к обобщениям и творчеству одного масштаба, вполне способен обобщать и творить на другом уровне в меньшем масштабе. Лапшин совершенно прав, утверждая, что память не есть нечто несовместимое с оригинальностью, а оригинальность бывает совместима с очень слабой памятью. Он различал память организованную и неорганизованную. У ученого она организована в соответствии с его умственным развитием, ее состояние урегулировано при помощи интеллекта; выбор фактов, подлежащих запоминанию, обусловлен известными методологическими приемами, с которыми ученый подходит к изучению действительности. Ломброзо приводил многочисленные примеры амнезии у гениальных людей. Эти примеры свидетельствуют или о временном болезненном состоянии человека, или о житейской рассеянности, забывчивости на факты, касающиеся внешней обстановки. Такая рассеянность есть оборотная сторона исключительной силы концентрации интеллектуального внимания и специфических форм памяти.

Наряду с механическим и интеллектуальным компонентами памяти Лапшин останавливается на ее интуитивном аспекте, когда «мы схватываем памятью и удерживаем в сознании сложные целостные комплексы путем созерцания этих комплексов, причем моторный момент заучивания отодвинут на задний план. По-видимому, можно развить в себе путем упражнения способность подобного удержания и конструировать при участии воображения в сознании целостные картины внешнего мира или собственного прошлого» [5, с. 100–101].

По предположению Лапшина, такие болезни памяти, как гипермнезия и

парамнезия, послужили толчком к развиту, а может, и зарождению метафизических изобретений-догадок в духе мистического спиритуализма. Уже в XVIII в. было обращено внимание на то, что впоследствии было названо панорамическим видением умирающих. Панорамическое видение в минуту смертельной опасности подтвердилось в новейших наблюдениях в экспериментальной психологии. По сути, Лапшин напрямую подошел к вопросу о состоянии клинической смерти, который в XXI в. не подвергается сомнению.

Что касается парамнезии, то Лапшин полагал, что эта иллюзия связана с временным понижением нормального для данного лица психического уровня, и потому часто наблюдается в минуты чрезвычайной усталости или при психастении. «Парамнезия описанного рода дала повод к зарождению метафизической и мистической гипотезы о “мирах иных”, о которых душа как бы вспоминает в некоторые исключительные моменты жизни. Вследствие этого она являлась как бы субъективным подтверждением, а может быть, и одним из мотивов для зарождения учения о переселении душ и о вечном круговороте» [5, с. 108]. Лапшин полагал, что идея «вечного круговорота», существующая с древних времен, связана не только с философским образом мысли, но и с миром эмоциональных переживаний человека.

Лапшин вскрыл главные особенности творческого воображения личности. Это способность диссоциировать привычные связи мысли, что порождает новую ассоциацию. Для этого необходима сильная от природы, правильно организованная и систематически упражняемая память. Чтобы сознание могло охватить и сопоставить множество образов и мыслей, необходимо, чтобы за короткий промежуток времени «через поле сознания прошло множество мыслей, входящих в системы упорядоченных единств. Необходимо пе-

риодически делать синопсис, смотр своим идеям, производить “сбор всех частей”» [5, с. 110].

Именно этой потребностью в быстром обзоре всех накопленных знаний Лапшин объяснял акме процесса творчества. Подобная быстрота работы иногда замечается и у философов. Однако он уточняет, что «подвижность ассоциаций в сочетательной работе творческого воображения должна быть различной у людей творческой отвлеченной мысли и у людей *действия*... Математик или философ может годы обдумывать свой труд, ему нечего торопиться, он не связан в творческом процессе заданным наперед сроком, для него нет обстоятельств, не терпящих отлагательства. Иное дело — творческая деятельность полководца или политического вождя, которая требует *исключительной быстроты* изобретательности и умения немедленно провести замысел на деле» [5, с. 111].

Сравнивая фантазию философа с фантазией художника, Лапшин находит их различие в том, что философ комбинирует не образы, а мысли, хотя и через посредство образов и символов: «Каждая из этих мыслей входит в упорядоченное логическое единство, и все мысли, сочетаемые его творческой фантазией, направлены к известной *всеобъемлющей цели*. 12 лет научная фантазия Канта двигалась в известном направлении, чтобы кристаллизоваться в великую книгу в течение полугода» [5, с. 111].

В творчестве философа Лапшин выделил два неразрывно связанных момента: 1) преднамеренный, умышленный, зависящий от разума и воли; 2) непреднамеренный, стихийный, смутно сознательный. Первому, намеренному моменту предшествует многолетняя подготовка, в процессе которой упорядочивается весь комплекс психических наклонностей в сторону будущей научной деятельности. Это саморуководительство, когда

приобретаются соответствующие знания, интеллектуальные навыки, вырабатываются отчетливые понятия, и все это объединяется в синтетическое единство апперцепции, формируется уверенность в прочности и обоснованности приобретенных знаний. Вторая, непреднамеренная сторона творчества заключается в пробовании, фантазировании, свободной игре ассоциаций. Она, согласно Лапшину, проявляется в двоякой форме: а) в виде мечтательства *наяву*, фантазирования, б) в виде творческих грез *во сне*. В «Автобиографии» Спенсер писал об «игре конструктивного воображения», без которой нет завершения духовного развития.

Поскольку в вопросе о творческой работе научной фантазии во сне существует много разногласий, Лапшин останавливается на нем подробнее. Мистические писатели – Кардан, Бурдах, Сковорода, Эрн – склонны видеть в грезах сновидений творческие откровения высшего порядка. Однако «то, что они приводят как образчики этих откровений, или *не нуждается в мистическом объяснении*, или *вовсе не есть ценное изобретение*» [5, с. 112]. Одни психологи придают сновидной фантазии какие-то сверхъестественные свойства, другие готовы отрицать за ней всякую способность к творческой продуктивности.

По мнению Лапшина, в подобных случаях активность умственных способностей не может быть отнесена на счет сна, она отголосок жизни в бодрствовании и доказывает только важность сна, устраняющего ослабление сил. Еще Аристотель [8, с. 67] отчетливо наметил правильный путь к научному истолкованию данного вопроса: объясняя содержание сновидений, он принимал во внимание влияние на них господствующих помыслов, настроений спящего, его стремлений и этими данными объяснял прогностический характер сновидений.

По заключению Лапшина, конструктивная работа воображения создает представления о предметах, находящихся вне сферы непосредственного поля зрения, и о внутреннем содержании видимых предметов. Эти «научные фантазмы» в гипотетической форме верно схватывают известные объективные отношения между явлениями.

По наблюдениям Лапшина, деятельность творческого воображения нашла проявление в «проблеме подобных миров», и этим был провозглашен уже не скептический, а критический релятивизм понятий, который чужд догматическим умам. Лапшин обратил внимание на вопрос, поставленный испанским схоластиком Бальмесом: изменилось бы что-нибудь в мире, если бы земной шар стал вращаться вдвое быстрее, а все остальное, включая и темп движения наших идей, изменилось в том же направлении. По мнению Бальмеса, – нет, а Дельбеф ответил на этот вопрос утвердительно.

Сегодня, в начале XXI в., эта проблема беспокоит человечество всерьез: сместилась ось вращения планеты, увеличивается скорость вращения, идет глобальное потепление. Это уже не теоретическая проблема, а проблема выживания.

Обратившись к своей современности – к первой четверти XX в. – Лапшин остановился и на новой *электронной теории материи*, которая послужила английскому физика Фурнье д'Альбу основой для своеобразного сочетания идей Микромегаса и Мегамикроса. Лапшин был глубоко убежден, что электронная теория материи Фурнье д'Альба есть подлинное выражение истинной сути вещей: проведена полная аналогия «между структурой ядра, окруженного электронами, и солнца, как центра планетной системы» [5, с. 133], была дана не только характеристика механики, физики и астрономии, но даже высказана догадка о жизни в этом мире.

В области исторических наук Лапшин признавал большую роль научного воображения, считая его крайне интересным для историка философии, но особенно трудным. Историки, пишет он, до сих пор спорят, что такое история — наука или искусство. Это поразительное смешение понятий Лапшин старался рассеять сопоставлением творческой работы историка-художника и историка-ученого: «Творческий процесс историка не только в былые времена, но и в современности представляет... в некоторых формах исторического творчества бросающиеся в глаза аналогии с художественной техникой» [4, с. 134]. Лапшин здесь имеет в виду сам способ конструкции исторического образа, который «как будто, до неразличимости похож на литературный тип, на художественный образ» [4, с. 134].

Лапшин отмечает черты сходства между историком-ученым и историком-художником: «Историк описывает не индивидуальное, но всегда типично-индивидуальное; индивидуум, как таковой, в своей бесконечной неисчерпаемости, несказанности может быть лишь бесконечно отдаленным пунктом для научного познания» [5, с. 134–135]. С точки зрения Лапшина, бесспорно, что художественный образ в историческом романе или опере не есть понятие хотя бы индивидуальное, но «столь же бесспорно, что этот образ типичен, что это родовый образ» [5, с. 135]. М. Покровский в статье о Пушкине и римских историках [7, с. 478–487] показывает, что Пушкин изучал Тацита, интересуясь типом самодержца-тирана и типом самозванцев. Для интереса к психологии деспота у него был личный мотив — ненависть к преследовавшему его императору Александру.

По заключению Лапшина, «как историк слегка видоизменяет при помощи интерпретации единичные данные, как статистик искусной рукой слегка сглаживает получающиеся кривые, так художник

ретуширует образы, даваемые историческими документами, также в целях типизации отбрасывая случайные мелочи, заслоняющие характеристическое в данном явлении» [5, с. 136]. Он подчеркивает: «Чтобы разбираться в человеческом прошлом, надо вообще понимать людей, и только таким путем историк, а равно и художник, разовьют в себе способность чувствовать эпоху» [5, с. 136]. Итак, Лапшин убежден в необходимости тому и другому обладать даром перевоплощения, чему способствует конгениальность (близость, совпадение по духу, образу мысли, талантности. — В.Б.) изучаемого лица или типа с внутренним миром изучающего или контрастная противоположность, или то и другое вместе.

У историков Лапшин подмечает существование порой влияния политической идеологии, бытового или эстетического уклада изучаемого им народа и изучаемой эпохи. Как историк, так и художник, долго занимаясь изучением какой-либо эпохи или какого-либо человека, начинают сами порой мыслить и чувствовать в унисон со своими излюбленными героями. По мнению Лапшина, было бы несправедливо думать, что в этой симпатии творца к изображаемому и изучаемому объекту следует видеть лишь следствие «логики чувств», ведущей к субъективизму: «Едва ли кто станет оспаривать, что симпатическое вчувствование является необходимым условием для понимания мотивации индивидуума или изучаемого “среднего человека” известной эпохи» [5, с. 137].

С точки зрения Лапшина, эмоциональное мышление отличается от познавательного тем, что в нем, хотя и имеются познавательные процессы, «но фокус внимания, *курсив* всего процесса положен на конечный эмоциональный эффект. Таково и эстетическое мышление [5, с. 139]. Поэзия, созидая образы, порождает эмоциональное впечатление,

обобщенную эмоцию, а наука идет к установке общего понятия. В деятельности ученого Лапшин подчеркивает единство аналитических и синтетических суждений. Аналитическое суждение проясняет знание, и здесь уже появляется минимальный синтез, а острота мысли и комбинационный дар создают точные и ясные определения. В деятельности внимания у гениального изобретателя Лапшин выделяет сочетание двух полярно противоположных черт: концентрацию внимания, как самоуглубление до забвения всего окружающего и прерывность внимания, как его переключение от одной группы идей к другой.

Обратившись к генезису творческой мысли, Лапшин выделил три особенности первобытного мышления: 1) спутанность мысли в сфере религиозной коллективной идеологии, 2) его эмоциональный, а не познавательный характер, 3) зависимость мышления от групповой идеологии, его внушаемость.

В психологическом творчестве Лапшин усматривал внимание к мало исследованным душевным явлениям и открытие совершенно нового явления, построение нового психологического понятия. Он предполагал и рассмотрел два возможных возражения на это.

• Можно ли говорить о малоизвестных или совершенно неизвестных психических состояниях? Общие всем людям психические свойства общеизвестны. Но существуют: а) *типически-индивидуальные* особенности, б) детали и *тонкие оттенки*, в) *исключительные* душевные состояния, г) *нечувственная* сторона душевной жизни, д) совершенно *новые психические состояния*, привносимые новыми условиями жизни. Не только изменяющиеся условия жизни, но и сам человек преобразует условия жизни, творит свои новые качества. Его духовный мир обогащается новыми переживаниями в искусстве, технике, меняющейся

обыденную жизнь, изменяя темп жизни. Все это ведет к автоморфизму психических свойств человека. Вероятно, заключает Лапшин, возможна и некая психическая мутация.

• Второе возражение, которое Лапшин допускает быть высказанным в его адрес: если возможны открытия в области психологии, то такие открытия — дело психиатров, социологов, историков, политиков, литераторов, деятелей искусства, юристов, а не психологов. Что это за наука психология? Она философская или естественная наука? Ответ Лапшина однозначен: «Психология была и всегда будет именно философской наукой потому, что отдельные душевные явления не могут быть *изолируемы* от всей личности человека с действующим в нем аппаратом познавательных функций и руководящей его поведением системой оценок в такой мере, в какой можно изолировать какое-нибудь физическое явление от других явлений, ибо на себе мы наблюдаем психическое явление всегда в неразрывной связи со всеми остальными компонентами нашей личности, а чужую психическую жизнь постигаем всегда лишь опосредствованным путем, сравнивая ее со своей. *Выделение* психического явления из ряда других есть лишь фиксация на нем нашего внимания, а не полная его изоляция, как это имеет место в химическом или физическом анализе. Таким образом, взгляд на психологию как на одну из наук о духе, наряду с историей или языкознанием, ложен. Труды языковеда могут представлять высокий психологический интерес и все же быть филологическими..., исследование псевдогаллюцинаций психиатра Кандинского есть психологическое исследование, ибо в нем новое психическое явление, изученное автором в значительной мере путем самонаблюдения, освещено с общепсихологической точки зрения» [6, с. 13–14].

Другим видом психологического открытия Лапшин считал открытие нового психологического закона, который можно сформулировать, лишь исходя из следующих трех основоположений: 1) общее положение о законосообразной связи между психическими явлениями на всех ступенях психической жизни и о законосообразной зависимости психофизиологического характера; 2) на генетическом подходе, когда исследуется происхождение известного психического явления в развитии животного мира, человечества или отдельного человека; 3) корреляционный анализ, вскрывающий связи психических явлений у того же индивидуума в его типически-групповом или типически-индивидуальном своеобразии; сюда же относятся исследования по характерологии, учение о темпераментах. Все три точки зрения глубоко связаны между собой: «В первых двух преобладает индукция объема, в третьей — индукция содержания... Установка любого психологического закона требует, чтобы психолог не упускал из виду ни одного из указанных моментов... Сведение частных психологических законов к общим и раскрытие в частном единообразии общего закона являются соотносительными процессами в психологической изобретательности» [6, с. 15].

Третий вид возможного психологического изобретения Лапшин находит в применении методов исследования как в области самонаблюдения и наблюдения, так и в области эксперимента. Сюда он относит:

- применение опросов, введенное Гальтоном;
- приемы исследования личности;
- оборудование техники эксперимента Фехнером и Вундтом;
- выяснение понятия «умственный эксперимент» Махом, «естественного эксперимента» Лазурским.

К усовершенствованию психологических методов Лапшин относил также

изобретение психологических приборов, связанное с углубленным пониманием законов душевной жизни. Он называет и «смешанные изобретения» — психолого-технические, когда техник исполняет задание психолога. Таким образом, было изобретено множество психологических приборов.

Наконец, важной сферой психологического творчества Лапшин считал построение *общей системы психологического мировоззрения*. В каждом из этих отделов Лапшин считал возможным обнаружить и отрицательную форму изобретения. Это критика и разрушение ложных взглядов и понятий.

Важным элементом творчества Лапшин считал эмоциональный элемент, в котором сосуществуют личный момент и объективная наклонность к известным умственным построениям. У философов Лапшин находит интеллектуальное чувство. Это не радость или печаль художника, имеющая эстетический комплексный характер, переживание органического плана. У философа к субъективным интеллектуальным чувствованиям относятся формальные переживания: логические противоречия, противоречия между теорией и данными опыта, дурной стиль, степень совершенства понятий, чувство целостности концепции.

Сознание Лапшин рассматривал как целостное единство, проявляющееся в волевой деятельности. Его не удовлетворяли определения воли в истории науки, поскольку там отсутствует восприятие форм пространства и времени, которое и придает сознанию характер направленности на будущее.

Итак, творческое наследие Ивана Ивановича Лапшина — это не только наше национальное достояние, но и достояние мировой научной мысли. Поражает богатство вопросов, поднятых в трудах этого оригинального мыслителя, далеко от односторонних и идеологических

подходов к проблемам научной мысли как в области истории философии, так и в области истории психологии. Многогранен и важен выполненный им анализ творческой деятельности личности, в том числе и в аспекте психологического творчества.

Литература

1. *Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX в. – начало XX в.). Часть 5: Иван Иванович Лапшин. Н. Новгород, 2007.
2. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. Н.О. Лосского. СПб., 1907.
3. *Кант И.* Критика практического разума / пер. Н.М. Соколова. СПб., б. г.
4. *Лапшин И.И.* О психологическом изучении метафизических иллюзий // Журнал «Жизнь». 1901. Январь.
5. *Лапшин И.И.* Философия изобретения (Введение в историю философии). Т. I. Пг., 1922.
6. *Лапшин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии. Т. II. Пг., 1922.
7. *Покровский М.* Пушкин и римские историки. М., 1909.
8. *Aristoteles.* De somno et vigilia, de insomniis et divinatione per somnum libri. Изд. под ред. Беккера, 1823.